

Мифы о детях из детского дома

Петрановская Людмила Владимировна,

член Ассоциации специалистов семейного устройства «Семья для ребенка»

Одно из главных препятствий к тому, чтобы тысячи детей, оставшихся без родителей вновь обрели семью — мифы и стереотипы, прочно вросшие в общественное сознание. Им подвержены и обычные люди, и специалисты, и представители власти. Они пугают, заставляют опускать руки или, наоборот, видеть все в «розовом цвете».

Давайте разберемся с ними вместе!

1. «Эта тема не имеет ко мне отношения»

В советские времена проблема сиротства решалась методом «с глаз долой - из сердца (и головы, и совести) вон». Для детей, оставшихся без родителей, строились отдельные закрытые учреждения за высоким забором или вообще за чертой города, со своей школой, своими врачами, своей организацией досуга. На улицах городов дети появлялись очень редко, только строем, по дороге в зоопарк. Пресса об этом говорила мало, выросшие детдомовцы о своем детстве лишней раз не упоминали. Средний гражданин мог прожить всю жизнь, вообще ни разу не увидев детдомовского ребенка. В результате проблема детей-сирот стала виртуальной: все слышали, что где-то они есть, но сам никто не видел, как-то там с ними государство управляется, и ладно.

Между тем детей в детских учреждениях - четверть миллиона. Еще не менее миллиона (на самом деле больше) детей беспризорных и безнадзорных, то есть тех, чье попадание в учреждение - лишь вопрос времени. Речь идет о целом проценте от населения страны! Может быть, пора перестать отгораживаться заборами и начать что-то делать?

2. «Главное - сироту хорошо обеспечить»

Бывают времена, когда это действительно главное, потому что иначе ребенок не выживет. Но этого явно недостаточно. Даже в хорошем и богатом детском доме ребенок не получает чувства защищенности, которое дает семья. Более того, жизнь на «казенных харчах» оказывает ребенку медвежью услугу. Он вырастает в убеждении, что белье само становится чистым, картошка всегда бывает нарезана и пожарена, а чай - уже с сахаром. Он не только не участвует, но даже не наблюдает ежедневного труда по обеспечению быта, который является неотъемлемой частью жизни любой семьи. Сама система детского учреждения работает так, что растит потребителя - а иначе организовать содержание множества детей просто невозможно. В результате выход в самостоятельную жизнь становится для ребенка шоком. Он привык, что ему «положено» и просто не умеет добывать даже элементарные блага самостоятельно.

К сожалению, позицию потребителя порой укрепляет и неумелая благотворительность, заваливание детей подарками и игрушками к праздникам. Это приучает детдомовских детей к мысли «Раз мы такие несчастные, нам все должны и нам все можно». Юноша, вышедший в жизнь с подобным убеждением - находка для криминальных структур. Детям нужны не столько вещи, сколько отношения - прочные и близкие. Только это дает устойчивость в мире и силы жить.

3. «Воспитание в коллективе - то, что нужно детям»

Этот миф возник как результат весьма странного переосмысления опыта А. С. Макаренко советской педагогикой. Безусловно, в ситуации, когда население рассматривается как собственность государства, а люди - как «винтики», коллективное воспитание - очень привлекательная идея. Человек, не защищенный семьей, ее ценностями и поддержкой - идеальный «винтик». Он безоглядно предан сообществу, заменившему ему семью, потому

что больше у него никого нет, и пойти против сообщества означает полное одиночество, худшее, чем смерть.

Вот только результаты у советской системы коллективного воспитания были гораздо хуже, чем у Макаренко. Почему? Очень просто: самым младшим его воспитанникам было 12-13-лет, большинству — 15-18. Несколько лет до этого они были беспризорниками. То есть все детство, до подросткового возраста, это были обычные семейные дети, которых любили, о которых заботились, и лишь трагические обстоятельства гражданской войны сделали их беспризорными. Детское учреждение помогло им не пропасть, не попасть под дурное влияние, выучиться. Семью оно не заменяло, и не должно было - семейный опыт у детей уже был, социальные сироты - совсем другое дело. Это дети, пострадавшие от собственных родителей или вообще их никогда не видевшие. После воспитания в учреждении они и подавно оказываются неспособны создавать семьи и растить детей - они не знают, как это делается. Наконец, часто это дети очень маленькие, которым до опыта отношений с коллективом сверстников необходим опыт отношений со значимыми взрослыми, а его учреждение дать не может.

Ну и чего уж точно не было в опыте Макаренко - это потребительства. Его воспитанники все блага, сверх самых необходимых, зарабатывали сами, сами принимали решения, планировали и отвечали за свою деятельность. Это то, что действительно было бы полезно сегодняшним подросткам, особенно с трудным поведением. Но какие же чиновники такое разрешат, чтобы дети все сами решали и делали?

Так что коллективное воспитание не может помочь детям-сиротам в главном - получить опыт нормальной семейной жизни. А в том, в чем могло бы помочь - получить опыт управления своей жизнью в реальности не используется. Много лишенных самостоятельности детей под одной крышей - это не коллективное воспитание, а казенный дом.

4. «Дети-сироты - это объекты»

Объекты заботы, объекты купли-продажи. Дети - это то, с чем надо что-то делать, может быть передано, выбрано, взято, размещено. Миф этот, конечно, неявный, никто никогда вслух такого не скажет. Но проявления его широки и разнообразны. Это и выступления противников иностранного усыновления, озабоченных «разбазариванием генофонда», однозначно понимающих детей как собственность государства. Это кампании «по борьбе с сиротством и беспризорностью», приуроченные к датам и сводящиеся к «заметанию мусора (в смысле детей) под ковер». Это и практика бездумного перемещения детей из учреждения в учреждение, неоправданных изъятий из семей. Это, к сожалению, целая система коррупции, прямой торговли детьми-сиротами. Это принятие решения о помещении ребенка в семью на основании одних лишь бумажек. Это, наконец, настрой некоторых потенциальных приемных родителей «выбрать что попримечней», проявить бдительность, чтобы не «подсунули некачественное».

И вот ребенка передают, выбирают, берут, размещают. Для него травмирующий опыт потери семьи подкрепляется опытом щепки, кидаемой по воле волн. От щепки ничего не зависит, ее ни о чем не спрашивают, да и вообще ее отношением к происходящему не интересуются. Стоит ли удивляться, что потом дети не в состоянии строить свою жизнь, отвечать за себя?

Дети - не объекты, это живые люди, со своей волей, своими ценностями, своими интересами. Да, они пока несамодостаточны, они нуждаются во взрослых. И у взрослых

есть выбор: действовать и принимать решения в интересах ребенка, для чего надо вникнуть в ситуацию, осознать эти интересы, или делать так, как удобно (нехлопотно, выгодно, понятно, привычно) самим взрослым. А детям нужны не «показатели успешности работы», а просто нормальное детство, свой дом и близкие люди.

5. «Желающих взять детей из детского дома очень мало»

В самом деле, детей в детдомах - четверть миллиона, а усыновляют лишь 7 тысяч в год. Почему? Очень многие чиновники любят говорить, люди у нас «бездуховные» (в отличие от иностранных усыновителей, с которыми эти чиновники предпочитают иметь дело по причинам весьма далеким от духовности), и потому детей не берут. Приходится слышать, что детей не возьмут из-за бедности и нехватки жилплощади. На самом деле это не так. Желающих (что-то начавших делать) очень много. А тех, кто пока не решается начать на порядки больше. Простой подсчет: только бездетных пар в стране несколько миллионов. Если хотя бы одна из десяти захочет взять ребенка - уже детдома опустеют. А ведь хотят пополнить семью и помочь ребенку далеко не только бездетные.

Почему же не берут? Потому что нет пока развитой системы активного и целенаправленного семейного устройства детей. Органы опеки или сотрудники банка данных работают только в режиме реагирования: отвечают на запросы семей. Никто приемных родителей специально не ищет, не готовит, не помогает им. Между тем, опыт экспериментальных площадок в разных регионах страны показывает: при наличии профессиональной работы по семейному устройству практически все дети могут быть успешно устроены в семье. Нужно просто этим заниматься!

6. «Все эти детдомовцы - больные и ненормальные»

К сожалению, такое приходится порой слышать даже от работников органов опеки. В самом деле, редкий детдомовский ребенок имеет запись в медицинской карте «практически здоров», все дети имеют социально-педагогическую запущенность, нарушения развития речи, многие ЗПР (задержку психического развития). У всех почти детей наблюдаются невротические реакции, высокая тревожность, агрессивность, неконтактность, часто встречаются энурез, нейродермиты, гастриты и прочие психосоматические заболевания. Обыденное сознание объясняет это просто: «Гены, что вы хотите. Какие родители, такие и дети». Это объяснение очень удобно, но оно столь же бесполезно. Оно не помогает понять, что делать.

Чтобы это понять, нужно разобраться в истинных причинах такого состояния детей. Это - опыт эмоциональной депривации: одиночества и никому ненужности в домах ребенка, опыт пренебрежения и жестокого обращения со стороны собственных родителей, опыт потери своей семьи, состояние полной неопределенности в жизни.

Когда ребенок 7 лет непрерывно сосет палец или чуть что садится на пол и начинает раскачиваться из стороны в сторону, не реагируя на уговоры, это выглядит пугающе. Но действительно страшно не это, а то, что за спиной у такого ребенка тысячи одиноких ночей, когда никто не уговаривал, никто не укачивал, и ему приходилось успокаиваться самому, как мог. Те дети, которые не научились сосать палец и качаться, просто не выжили. Другой пример: ребенок не хочет учиться, слушает и как будто не слышит, не понимает элементарных вещей. Гены? Патология? А что бывает со взрослыми благополучными людьми после катастрофических событий в жизни: стихийных бедствий, терактов, потери близких? Способны ли они в это время проявлять любознательность, сосредоточенность? Между тем, у ребенка, изъятого из семьи, произошла во внутреннем мире катастрофа еще большая. Ведь у него нет жизненного опыта, нет других точек опоры

(друзей, работы), он не знает, что ему помогут, что всё, в конце концов, образуется. У него рухнул мир. А ему таблицу умножения объясняют.

Получается, что это не ребенок ненормальный, а это жизнь у него сложилась ненормально. И все расстройства здоровья и поведения, которые мы наблюдаем - это *нормальная реакция на ненормальные обстоятельства*. Отсюда следует очень важный вывод: наладится жизнь и все наладится. Всякий ребенок хочет жить, расти и развиваться. Когда он увидит и поверит, что его любят, за него «болеют», он обязательно постарается наверстать упущенное. И опыт семейного устройства это подтверждает: через год-два жизни в любящей, заботливой семье ребенок буквально расцветает, он быстро растет, узнает много нового, проходят даже застарелые болезни.

7. «Главная опасность - гены»

Если раньше это стереотип выражался в ненаучной форме: «Яблоко от яблони недалеко падает», то теперь каждый знает, что есть некая заданная от рождения программа, которая предопределяет в человеке очень многое (хотя, что именно, неспециалист не знает). И возникает закономерный вопрос: какой смысл стараться, вкладывать в ребенка силы и душу, если гены не изменишь и ему «на роду написано» стать алкоголиком или проституткой, как его кровные родители? Поскольку повлиять на гены невозможно, они вызывают сильнейшую тревогу. А после становятся удобным способом объяснить все связанные с ребенком трудности: это не мы не справляемся, это у него гены такие.

Генетически обусловленные качества человека действительно есть, и не стоит питать иллюзий, что ребенка можно полностью «перекроить под себя», это приведет к жестокому разочарованию и обиде на ребенка, который «обманул», оказался «не тем». Есть особенности, которые действительно во многом определяются генами, например, темперамент или математические способности. Важно, чтобы приемные родители были готовы признать и принять это. (Впрочем, эта задача актуальна и для обычных родителей - ведь в их ребенке соединяются гены многих родственников, и порой не те, которые были бы приятны папе или маме).

Но при этом генами не определяются такие качества человека, как честность, доброта, способность любить, быть счастливым. Здесь все зависит от любящей семьи и от выбора самого человека. Так, генетически может быть задан такой способ переработки организмом алкоголя, который облегчает возникновение зависимости. Но такая генетическая предрасположенность есть у многих жителей России. Однако большинство людей алкоголиками не становятся, хотя спиртное продается на каждом углу. Почему? Потому, что у них есть интересы, работа, любимые, дети, потому что беспробудно пить им просто незачем. Гены определяют лишь скорость возникновения зависимости, если человек начнет пить. А выбор: начать пить или нет, делает сам человек, и выбор во многом определяется тем, есть ли у него в жизни поддержка, есть ли за спиной любящая семья.

Если приемная семья будет жить в страхе перед «генами», в любом проявлении ребенка высматривая зачатки «аморального образа жизни», или «криминальные задатки», или «безвольность и зависимость», то снова возникнет ситуация самосбывающегося пророчества. Ребенок, в которого не верили, от которого ждали худшего, будет вынужден либо (если он, послушен) подчиниться ожиданиям, либо (если он упрям) утрировать в своем поведении черты, максимально пугающие приемных родителей. Результат будет один и тот же.

8. «Ребенка из детдома берут только те, у кого своих нет»

То есть приемный ребенок понимается как последняя возможность, когда «правильным» способом стать родителями не удалось. На самом деле это совсем не так. В мировой практике большинство приемных родителей - люди, уже имеющие детей, в практике российских профессиональных служб по устройству детей в семьи их примерно 50%.

Этот миф приносит немало вреда и детям, и семьям. Поскольку он заставляет воспринимать приемную семью как «ущербную», это подталкивает семью к сокрытию «неправильного» происхождения своего ребенка, соблюдению тайны усыновления. В результате нарушаются отношения внутри семьи, наносится дополнительная травма супругу, с которым связана бездетность пары. Как только ребенок доставляет неприятности, этот супруг чувствует себя особенно виноватым («Родной ребенок так бы не сделал»), что, конечно, не добавляет ему уверенности и способности справляться с трудным поведением ребенка. Таким образом, получается самоподтверждающийся прогноз: исходя из предпосылки, что приемный, ребенок - это «суррогат» ребенка, с которым по определению «все не то», сами приемные родители вольно или невольно ведут себя так, что проблемы ребенка усугубляются, и в результате действительно получается «не то».

Миф этот вреден еще и тем, что мешает семьям, имеющим детей, задуматься о принятии ребенка, ведь это «только для бездетных». Между тем именно они могли бы стать прекрасными приемными родителями, поскольку опыт позволит им меньше беспокоиться и получать больше радости от общения с ребенком.

В мире все больше крепнет убеждение, что брать детей в семью - нормально, в этом нет ничего особенного (ни постыдного, ни героического) - это обычная человеческая практика. Именно в тех странах, где так считают, детских домов нет в помине.

9. «Никто не должен знать!»

Речь о пресловутой тайне усыновления. Этот стереотип интересен тем, что закреплен даже законодательно. За этой нормой закона стоит, по сути, уверенность, что, если гражданам строго не запретить, они буквально затравят сироту и его приемных родителей (что опять подразумевает видение приемной семьи как ущербной). А также убеждение, что не знать о своем реальном происхождении для ребенка - благо. Ни первое, ни второе не подтверждается мировым опытом. Не случайно такой законодательной нормы почти ни в одной стране больше нет. Для защиты интересов ребенка вполне достаточно соблюдения профессиональных этических норм, среди которых - неразглашение информации всеми специалистами, имеющими отношение к судьбе ребенка.

Тайна усыновления приносит намного больше страданий детям и семьям, чем, гипотетические ситуации «соседи скажут», «ребята задразнят». Потому что эта тайна - бомба замедленного действия внутри самой семьи. Естественно, что к неискренности и напряжению между самыми близкими людьми ребенок и его приемные родители гораздо более восприимчивы, чем к предполагаемой агрессии, пусть даже грубой, со стороны посторонних. При выяснении правды, а это происходит почти всегда, главной травмой для ребенка оказывается не то, что он неродной, а то, что ему столько лет лгали. Сокрытие от самого ребенка истины о его прошлом есть не что иное, как нарушение его прав, а вовсе не защита его интересов, и дети это прекрасно понимают.

10. «Никаких кровных родственников, лучший вариант - круглая сирота»

Как показывает опыт работы, дети, не имевшие вообще никакого опыта жизни в семье, пусть и не самой благополучной - наиболее пострадавшие. Ребенку, у которого нет

совсем никого на свете, почти невозможно преодолеть всепоглощающее чувство тревоги, а это очень мешает его развитию. Любой опыт семейной жизни, наличие родственников, сохраненные воспоминания о прошлом в родительском доме являются ресурсом для ребенка, его опорой и залогом более успешного развития. Самые «легкие» приемные дети - дети, имеющие опыт близких, хороших отношений с кем-то из кровной семьи, к кому-то привязанные, знающие, что у них кто-то есть.

Если речь идет о ребенке, который совсем маленьким потерял связь с кровными родителями, в подростковом возрасте ему может быть важным хотя бы попытаться эту связь восстановить. Опыт показывает, что если приемные родители поддерживают его в этом, не препятствуют попыткам найти родителей или встретиться с родственниками (при условии безопасности для жизни и здоровья ребенка), это очень хорошо сказывается на их отношениях с ребенком и на развитии ребенка. Он становится более спокойным, открытым, более реалистичным и ответственным при планировании собственного будущего (в том числе и за счет утраты иллюзий: «А на самом деле моя мама — кинозвезда, просто я потерялся»).

11. «Лучше взять очень маленького, тогда будет как свой»

Стремление взять маленького ребенка может быть вполне оправданным: например, пара, никогда не имевшая детей хочет насладиться всеми этапами родительства. Иногда людям просто больше жалко маленьких, хочется поскорее забрать их из казенного дома. Но в целом стереотип «только маленького» - один из самых вредных для семейного устройства детей. Для многих детей, оставшихся без попечения родителей в возрасте старше 5-6 лет, это предубеждение становится приговором, обрекая их на жизнь в казенном учреждении. К семи годам ребенок, которого переводят из дошкольного детдома в интернат, уже вполне осознает, что у него шансов нет, и за ним никогда не придут. Неужели его меньше жалко, чем младенца?

Между тем тысячи семей и детей, вышедших из младенческого возраста, могут быть счастливы, найдя друг друга, и так оно и происходит в опыте служб по устройству детей в семьи. Кроме того, есть целые категории потенциальных приемных родителей (например, люди предпенсионного возраста или семьи с маленькими детьми), которым не стоило бы брать в семью младенца, но они бы замечательно справились с младшим школьником или подростком.

Опыт показывает, что возраст ребенка (как и пол) далеко не самая важная характеристика при прогнозе успешности его устройства в семью. Трехлетний ребенок с опытом тяжелой эмоциональной депривации, то есть все время проживший в казенном учреждении, может быть гораздо более сложным, чем десятилетний, живший в семье, которая постепенно спивалась, но вместе с тем как-то любила и заботилась.

12. «Полюбить, как родного»

Полюбить ребенка так же ярко и полно, как любят родных детей - это замечательно, разве не за тем его и берут в семью? Проблемой этот миф становится тогда, когда за ним прячется осознанное или не очень желание «присвоить» ребенка, дать ему другую фамилию, имя, стереть из его памяти прошлое, прервать все связи, относящиеся к другой семье, словом, «забыть», что ребенок приемный. Ребенок без опыта, без других привязанностей, без воспоминаний кажется очень удобным для признания «совсем родным». «Присвоение» ребенка является, по опыту, одной из главных причин неудач и даже трагедий в воспитании приемных детей. Убедив самих себя, что ребенок «совсем как родной», родители становятся менее терпимы ко всему, в чем ребенок не похож на них

самих или на их ожидания. При этом они все время помнят, что он все же не родной, а «как» родной, и ведут себя неуверенно, тревожно, не справляются с трудностями. Когда ребенок становится подростком, они оказываются беспомощны перед его кризисом идентичности, боятся его отделения от семьи. Они отрицают право ребенка на знание своих корней, на интерес к своему происхождению, воспринимают такой интерес как предательство, неблагодарность, в результате окончательно портят отношения с подростком. Те семьи, в которых ребенок открыто осознается как приемный (при этом любимый, близкий, дорогой) чувствуют себя гораздо спокойнее и все у них складывается лучше.

13. «Ребенок будет нам благодарен»

Приемные родители, для которых это убеждение имеет большое значение, бывают неприятно удивлены, никакой благодарности от ребенка не получая. Но ведь благодарность очень сложное чувство, которое формируется почти к самому концу детства (а у многих и во взрослом возрасте бывает не сформировано). Маленький ребенок все происходящее с ним принимает как должное, он не может мыслить в сослагательном наклонении «что было бы, если...». Кстати, именно обида на неблагодарность нередко заставляет родителя самого нарушить тайну усыновления: возмущенный поведением подросшего ребенка, он в запальчивости «предъявляет счет»... Даже если этого не происходит, текст, близкий к известному: «На помойке нашли, помыли, накормили, а он нам фигвамы строит» родитель много раз произносит про себя. Естественно, чувствуя это, дети никакой благодарности не испытывают, а совсем наоборот. По-настоящему благодарны (в уже взрослом возрасте, конечно) бывают те приемные дети, которым позволяли быть самими собой и от которых благодарности не ожидали, наоборот, родители считали, что дети принесли им много радости.

14. «Взять ребенка - значит усыновить»

А усыновить трудно и страшно, и потому лучше вообще не пытаться. Кроме того, усыновить - значит полностью самим решать все возможные проблемы со здоровьем, развитием, учебной, содержанием ребенка. Не всякой семье это по силам.

Долгое время другие формы устройства практически не развивались. Но в последнее десятилетие положение изменилось. Стала шире использоваться неродственная опека, начало активно развиваться патронатное воспитание. Последнее предполагает, что в заботах о ребенке семья не остается одинокой, она постоянно может рассчитывать на помощь со стороны службы по устройству детей. Уже на стадии принятия решения семья постоянно взаимодействует со специалистами, проходит специальную подготовку, может обсудить свои сомнения и тревоги.

Нет и не может быть формы устройства, которая была бы абстрактно лучше или хуже остальных. Они дают разные возможности ребенку и его приемной семье, их нужно знать и выбирать форму устройства, исходя из интересов ребенка и семьи, с учетом всех обстоятельств.

15. «Главное - просто полюбить»

Полюбить - очень важно, но недостаточно. Как показывает опыт, одной любви недостаточно и с родными детьми, не случайно многие современные родители читают книги по воспитанию, советуются со специалистами. С ребенком же приемным, то есть не имеющим врожденной связи с приемными родителями, незнакомым, часто непонятным, тем более нужны помощь, знания, подготовка. Может пройти немалое время, пока

приемные родители начнут понимать его «с полуслова». А нередко и не начнут, поскольку в опыте этого ребенка было такое, чего обычные люди и представить себе не могут: насилие, жестокость, полное одиночество. Никакое педагогическое образование или даже опыт воспитания детей, но обычных, семейных, порой не помогают разобраться в том, почему приемный ребенок ведет себя именно так. Есть вещи, которые знает только профессионал, и ситуации, в которых должен приходиться на помощь специалист.

Поэтому нет смысла просто раздавать детей, не предоставляя при этом помощь и поддержку приемной семье. Если в результате семья не справится и вернет ребенка, он будет в еще большем отчаянии, чем раньше, а все вокруг сделают вывод, что «эта затея никогда ничем хорошим не кончается». Достаточно сравнить цифры: 25% неудачных, распавшихся устройств без системы, подготовки и поддержки, и только 8% - при наличии такой системы. А ведь это не просто проценты, это дети и семьи, их счастье или несчастье.

Семья, взявшая ребенка из детского дома, решает не только свои проблемы. Она помогает ребенку, помогает государству, помогает обществу. И вправе, в свою очередь, рассчитывать на помощь и поддержку

Мифы - очень сильны и упорны. Они сидят глубоко в сознании, мешая думать и действовать. Отмахнуться от них невозможно, их можно, только преодолевать, а для этого - знать в лицо.

Наверное, самый опасный миф в любом деле звучит так: «Все равно ничего не поделаешь». Наш опыт, опыт многих семей доказывает, это не так. В большинстве стран нет детских домов и в России их может не быть, потому что наши семьи не меньше способны любить и заботиться, наши дети не меньше заслуживают любви и заботы.